

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

На правах рукописи

ПАВЛОВА Марина Рэмовна

УДК 808.1 - 086.6 : 677.024

ПОЛЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ТКАЧЕСТВА
НА ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ФОНЕ

Ю.02.03 - Славянские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

МОСКВА - 1990

Работа выполнена в секторе этнолингвистики и фольклора
Института славяноведения и балканистики АН СССР

Научный руководитель - академик Н.И.Толстой

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук Т.И.Вендина

кандидат филологических наук Н.П.Антропов

Ведущее учреждение - Институт языкознания им. А.А.Потебни
АН УССР.

Защита состоится "18го декабря 1990 г. на заседании
специализированного совета (Д.002.97.01) при Институте славяно-
ведения и балканистики АН СССР (Москва, Ленинградский проспект, 32-
АФ, корпус В, 9-ый этаж, комната 1 - зал заседаний)
в 15⁰⁰ час.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
славяноведения и балканистики АН СССР (Москва, Трубниковский
пер., 30-а).

Автореферат разослан "15го декабря 1990 г.

Ученый секретарь специализированного совета

Т.В.Михайлова

© Институт славяноведения и балканистики АН СССР

Предметом реферируемой диссертации является терминология народного ткачества Полесья, рассматриваемая на фоне ткаческой терминологии других славянских языков и диалектов.

Народное ткачество – одно из древнейших женских домашних занятий. Оно представляет собой фрагмент славянской культуры и имеет глубокие корни. Эта область человеческой деятельности привлекала внимание этнографов. В их работах анализировалась главным образом материальная сторона ремесла: технологические процессы, инструменты, виды сырья, приемы и техника тканья и т.п. /Н.И.Лебедева, Г.С.Маслова, А.Н.Курилович, А.Т.Нестер, М.Кръстева-Ножарова, Кр. Кристанова и др./. Древнейший пласт лексики, связанной с ткаческим производством, был предметом и лингвистических исследований. В работах лингвистов разбирается лексика, непосредственно связанная с технологией ремесла. Обращение к фактам материальной культуры при изучении ткаческой терминологии закономерно: любая ремесленная лексика, как особая область словарного состава языка, должна изучаться на фоне экстралингвистической реальности. В работах, посвященных изучению ткаческой терминологии в этимологическом, лексикологическом и лингвогеографическом аспектах /О.Н.Трубачев, В.Фалинская, Н.Г.Владимирская, Э.И.Зеленина, И.О.Дзедзелевский и др./, лексика ткаческого производства понимается в узком смысле – как лексико-семантическая группа, которая включает в себя названия технологических операций, приемов и способов обработки сырья, самого сырья и различных его видов, продуктов производства, инструментов и других ткаческих реалий.

Однако к области народного ткачества, помимо технологических операций, инструментов и т.д., относится большое число фактов т.н. "духовной" культуры, обусловленных мировоззрением носителей традиции. Всякая технология в народном сознании неотделима от мифологии. И поэтому в понятие "народное ткачество" необходимо включать, помимо ремесленных, действия ритуально-магические, направленные на достижение положительного результата работ а также мифологические представления о технологии производства, инструментах, льне, конопле и пр., о самом человеке, который занимается ткаческим ремеслом. До настоящего времени эта сторона ткачества при его изучении мало учитывалась. Имеются лишь отдельные этнографические описания народных представлений и ритуалов, связанных с ткачеством /Н.Г.Владимирская, Е.А.Боряк, Е.Колева и другие/. При таком подходе и ткаческая терминология должна пониматься широко – как весь круг лексики и

фразеологии, относящийся к ремесленной и обрядово-мифологической сторонам народного ткачества. В предлагаемой работе сделана попытка исследовать ткаческую лексику на фоне традиционной народной культуры, как её фрагмент и, одновременно, как источник изучения и реконструкции. В этом заключается актуальность исследования.

Изучение славянских древностей, духовной культуры через языковые данные соответствует принципам современных научных работ /Вяч.Вс.Иванов, В.Н.Топоров, Н.И. и С.М.Толстые, Б.А.Успенский, Т.В.Цивьян и многие другие/. По методам исследования и теоретическим положениям диссертация принадлежит к этнолингвистическому направлению, которое предполагает изучение связей языка и культуры, выявление элементов архаического сознания, отраженных в языке. В этом же русле были выполнены работы, посвященные анализу лексики свадебного и похоронного обрядов, календарных циклов, обрядового печения и т.п. /О.А.Терновская, А.В.Гура, А.Ф.Журавлев, А.В.Страхов, О.В.Санникова, Г.И.Кабакова, Т.А.Агапкина и другие/.

Для анализа явлений духовной культуры, для реконструкции культурного наследия славян все чаще в последние десятилетия используются лингвистические методы и понятия. Именно лингвистика обладает необходимым для этого разработанным аппаратом понятий и методов. Одним из наиболее продуктивных лингвистических понятий, используемых для изучения духовной культуры, является понятие **т е к с т а**. В ряде этнолингвистических работ предложено описание обряда как текста в семиотическом смысле слова аналогично вербальным текстам /Н.И.Толстой, С.М.Толстая, О.А. и И.А.Седаковы/. В отличие от обряда ткачество связано с экстралингвистическими реалиями двух планов: материального производства и мифологических представлений. Его сложную структуру мы рассматриваем в диссертации как текст и пытаемся таким образом анализировать ткаческое производство, используя лингвистические категории. Мы вводим понятие **т к а ч е с к о г о т е к с т а**, состоящего из элементов различных кодов: акционального, агентивного, предметного, темпоральной и локативного. Сами элементы этих кодов тоже в определенной степени образуют системы, т.к. внутри этих кодов они иерархически упорядочены. Каждый код имеет свои средства языкового выражения. В совокупности эти вербальные выражения составляют ткаческую терминологию в широком смысле. Сюда оказываются включенными как собственно термины (терминология в узком смысле), так и обрядовая лексика, фразеология, ритуально-магические приговоры, а также лекси-

ческие и другие вербальные элементы обрядов и ритуально-магической практики. Только в совокупности они дают материал, позволяющий интерпретировать феномены духовной культуры. Благодаря своей древности терминология народного ткачества сохраняет множество культурных архаизмов, относящихся как к материальной, так и к духовной стороне ткачества и может быть источником для реконструкции славянских древностей.

В диссертации рассматривается ткаческая терминология Полесья. Она анализируется в контексте народной культуры этого региона и других славянских этнических зон. Обращение к полесскому материалу обусловлено особым местом этой зоны в славянском мире, признанием её одной из наиболее архаичных. Здесь зафиксированы многие языковые и культурные реликтовые формы, имеющие соответствия в других архаичных зонах современной Славии. Комплексное изучение народного ткачества является необходимым звеном в решении проблемы реконструкции материальной и духовной культуры древних славян и выявления общеславянского лексического фонда, способствует изучению отношений между языком и этносом, между материальной и духовной культурой, между языком и мифологией.

В диссертации решаются следующие задачи: 1. Сбор и систематизация диалектного, этнографического и фольклорного материала по полесскому ткачеству (терминологии в узком смысле, фразеологии, текстов малых жанров, описаний обрядов, верований, мифологических представлений). 2. Семантический, структурный и функциональный анализ лексики народного ткачества в её связи с экстралингвистической структурой всей области народного полесского ткачества, описание семантических особенностей отдельных лексем и фразеологизмов, связанных с экстралингвистической ситуацией; восстановление семантической истории отдельных лексем. 3. Сравнение полесского материала с материалом других славянских языков и этнических традиций. Из-за неравномерной и недостаточной изученности культурных аспектов ткаческой терминологии в других славянских регионах это сравнение носит не систематический, а фрагментарный характер. Оно касается как формального, так и культурного уровня. 4. Определение "мифологической нагрузки" и символики ткаческих действий и реалий, и их отражения в языке. 5. Реконструкция некоторых элементов общеславянской духовной культуры, отраженных в лексике народного ткачества.

Наиболее полно в работе представлены полесско-польские и полесско-болгарские соответствия.

В диссертации использованы источники нескольких видов:

а) терминологические словари и лексикологические исследования, диалектные словари украинского и белорусского языков; б) опубликованные этнографические описания; в) сборники фольклорных текстов; г) архивные этнолингвистические материалы, - данные полесских экспедиций, собранные в период с 1979 по 1987 гг. и хранящиеся в секторе этнолингвистики и фольклора Института славяноведения и балканистики АН СССР; д) собственный полевой материал, собранный по специальной программе в 15 селах белорусского и украинского Полесья; е) для сравнительного изучения использовались этнографические, фольклорные описания, общезыковые и диалектные словари, и в первую очередь четырехтомный словарь польской ткаческой терминологии, данной в сравнении с инославянскими лексемами, составленный Б.Фалинской.

Практическая значимость. Материал, представленный в работе, может быть использован при составлении региональных словарей, полесского этнолингвистического атласа, этнолингвистического словаря древностей, при создании вузовских учебников и чтении курсов по славянской лексикологии, этнолингвистики, введению в славянскую филологию, диалектологии. Программа для сбора лингвистического и этнографического материала по полесскому ткачеству, приведенная в Приложении I, может быть использована в полевой работе в других славянских регионах.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и четырех приложений.

Во в в е д е н и и формулируются задачи и методы работы, излагается история изучения народного ткачества славян в этнографии и лингвистике.

Г л а в а I "Т к а ч е с т в о к а к " т е к с т " " посвящена общей характеристике народного ткачества, рассматриваемого как единство технологии ремесла и связанных с ним мифологических представлений. От других ремесел (гончарного, кузнечного дела и т.п.) его отличают связь с земледелием, домашний характер большей части работ, широкое распространение (главным образом среди женской половины населения), натуральный характер производства. Эти черты определяют статус ткачества как одного из повседневных женских домашних занятий. В его состав входят сев волонистых растений, их первичная обработка, изготовление нитей (пряжание), подготовка нитей к тканью (мотание, снование, навивание на ткацкий

станок) и тканье. Представляя собой цикл непрерывно и последовательно сменяющихся работ, ткачество образует замкнутую и цельную систему. О замкнутости ткаческого цикла свидетельствуют мифологические представления о начальной и конечной операциях – севе и тканье, и содержание ритуально-магических действий, которые их сопровождают. При севе выполняются действия, направленные на успешное протекание в с е г о цикла, в том числе и тканья; по окончании тканья совершают действия, направленные на получение хорошего урожая растений в будущем году. В фольклорных текстах существует поэтический образ: полотно, пущенное по реке, возвращается к хозяйке на следующий год в виде волокна, т.е. конечный продукт производства "переходит" в начальный.

Ткачество как текст состоит из элементов знаковых систем различных кодов. Отношения между этими элементами могут быть уподоблены отношениям между единицами синтаксического уровня языка. По аналогии с лингвистическим текстом в ткаческом тексте выделяются предикаты (действия ткаческого производства), субъекты (исполнители ткаческих действий), объекты и инструменты (предметы ткаческого производства), а также ряд обстоятельственных моментов (время, место и способы исполнения ткаческих действий). Языковое выражение каждого из элементов системы включается нами в лексическое поле ткачества независимо от их "терминологичности" (напр., мужик, баба, старик как исполнители действий). В ряде случаев значимы качественные характеристики исполнителей или предметов, которые на языковом уровне выражены прилагательными и наречиями: именно они предопределяют часто результат самого действия. Так, при севе волокнистых растений существенными являются такие признаки исполнителя: "высокий рост", "густые волосы и борода", "доброта", "старшинство" и т.п. Мужской пол сеятеля, символизирующий оплодотворяющую силу, является обязательным условием успешного сева.

С мифологией в системе ткаческой лексики связана большая группа фразеологических сочетаний, устойчивых оборотов, клише, целый корпус быличек, фольклорных текстов. Ритуальная практика и мифологическое осмысление ткачества порождает термины, внутренняя форма которых отражает их культурные функции и связи: ведьмина кострика 'костра, которую собирает ведьма в Чистый четверг после мятья льна до восхода солнца и которую она в день Ивана Купалы без одежды сылет на улице. Молоко первой коровы, перешедшей через эту кострику, перейдет к ведьме'; пристрёченные кросна 'кросна, которые "сглази-

ли", поэтому плохо идет работа' и т.п.

Одно и то же содержание в ткаческом тексте может быть закодировано элементами различных кодов. Устойчивые, повторяющиеся в разных кодах семантические элементы - мотивы структурируют текст и придают ему целостность. Например, мотив высокого льна в акциональном коде выражается действиями подбрасывания кверху, подпрыгивания и т.п.; в агентивном коде - требованием, чтобы сев льна совершался высоким мужчиной, а календарные обряды магического характера ("на долгий лен") - женщиной высокого роста; в предметном коде - использованием "длинных" предметов (палок и т.п.), в темпоральном коде - выбором для сева времени, когда солнце стоит высоко в небе; в локативном коде - выбором длинной дороги к полю; в лексическом коде - такими номинациями видов льна, как долгун, должик, вельковен, величок и т.п.; в вербальном ("текстовом") коде - приговорами типа "Шоб великий лен рос!", "Шоб конопли долгие росли!" и т.п. Повторение одного и того же мотива средствами разных кодов, его синонимическое "нанизывание" в пределах одного текста представляет собой магический прием, способствующий усилению желаемого воздействия.

Раскрытию символики ткаческих действий и атрибутов ремесла, выявлению их мифологического значения посвящена глава II "Компоненты ткаческого текста". Она представляет собой разбор ткаческого производства по составляющим его компонентам аналогично разбору синтаксического целого по составляющим его членам: основной акциональный код - действия ткаческого производства (сказуемое) (§ 1), агентивный код - исполнители ткаческих действий и их атрибутивные характеристики (подлежащее + атрибут) (§ 2), темпоральный код - время исполнения ткаческих действий (обстоятельство времени) (§ 3), локативный код - место исполнения ткаческих действий (обстоятельство места) (§ 4), ритуально-магический код - действия и приемы, сопутствующие исполнению технологических операций, и способы их исполнения (обстоятельство образа действия) (§ 5), предметный код: ткаческое сырье (объектное дополнение) (§ 6), инструменты (инструментальное дополнение) (§ 7), продукты производства (результативное дополнение) (§ 8).

Описание действий ткаческого производства предваряет описание других компонентов ткачества, поскольку они связаны с самим производством, с функцией действующих лиц; действия опреде-

ляют мифологическую и символическую нагрузку предметов и прочих элементов ремесла. Именно они снабжаются мотивировками, проливающим свет на скрытый, глубинный смысл производственного процесса, мифологическое значение ткачества и его оценку, которое оно получает в народном сознании. Для раскрытия мифологического значения ткаческих операций необходим учет некоторых технологических моментов. К ним относится характер самого действия (является ли оно резким, дергающим, предполагает ли витье, битье или плетение) и наличие характерных дополнительных действий при основном (смачивание слюной, отделение кострики). Эти признаки также могут лежать в основе номинации производственных процессов. Глагольная терминология ткачества, образовавшаяся в результате специализации семантики глаголов с исконно широким, часто синкретическим, значением, находит соответствия среди глаголов, обозначающих обработку земли и хлебопечение (драть, волочить, сукать, вить, крутить, катать). Общностью семантических признаков объясняется ряд идентичных запретов, накладываемых на ткаческие работы и рубку дров, стирку, плетение лаптей, а также их одинаковые мотивировки. Тексты мотивировок ткаческих запретов часто строятся на глаголах одного семантического поля: мотать - крутить, мотать - вертеть, мотать - вить, вить - крутить, прясть - крутить. Напр., в праздники нельзя прясть, а то болезнь крутит, кости выкручивает; на святки запрещается мотать мотки, иначе летом рожь ветер извертит и т.п. В мифологическом отношении на первое место выступают такие действия, которые с технологической точки зрения считаются вспомогательными или побочными: напр., слинить и пылить кострикой (при прядении), бить, производить шум (при работе на орудиях). Этими, дополнительными в технологическом плане, признаками объясняются запреты, накладываемые на основные ткаческие действия: на Масляной не пряли, потому что нельзя "прядивом трусить", чтобы "не запарушивать грязь в глаза скотине"; на "Деда" нельзя мять, прясть, чтобы кострицей "не засорить глаз покойника", "Михаила мы празнуем, коб гром не бил нас: не рубаем топором, ни нелом, ни красен не ткем" и т.п.

Акцентирование дополнительного признака действия и выдвигание его на первый план объясняют транссемантизацию глаголов, обозначающих прядение, снование, мотание. Они переходят в сферу обозначения процессов говорения с отрицательным оттенком (ваголить 'плохо прясть' и 'говорить невнятно, бессвязно'), быстрого беспо-

рядочного движения (сновать, сноваться, мотаться (по свету)). На основе соотнесения подобных значений строятся мотивировки ткаческих запретов и народные толкования снов ("во сне трепать лен - трепать языками будешь", "як сновала да матала ва сне - дак сплётни тебе" и др.).

В фольклорных текстах и ритуальной практике выразителями или "заместителями" этапов и компонентов производства являются: поэтический образ пускания по воде (полотна), ритуально-магические действия - обливание и сжигание. Мотивы воды и огня раскрывают мифологическое содержание ткаческого производства. Они выражают идею дороги, мотив которой характерен для переходных обрядов (*les rites de passage*). В процессе выполнения каждого технического действия происходит преобразование природного материала в культурный продукт. Полотно в народном сознании воспринимается прежде всего как продукт т р у д а. В связи с этим действия ткаческого производства осмысляются как "муки" льна, "роды" полотна, а все производство в целом, - как п у т ь, который совершает растение с момента попадания в землю льняного семени до выхода готового полотна. Неудивительно, что и сами действия, и орудия производства, и его продукты, и сама работница представляются как сакральные, наделяются множеством запретов, предписаний, особой магической силой. Ткаческие действия вписываются в строгую и четкую систему пространственно-временных регламентаций. Предписания и табу осуществляются в рамках универсальной системы противопоставлений, характеризующей временные, пространственные и социальные отношения. Они свидетельствуют о включении ткаческого производства в общий космический и метеорологический процесс, регулирующий стихии (дождь, засуху, град, ветер) и производительные силы природы (урожай, плодovitость, деторождение). Осуществление ткаческих процессов без соблюдения правил нарушает установленный миропорядок: происходят нарушения в сфере жизнедеятельности человека или домашних животных и птиц: замотаются ноги, руки, еуповина; будут крутиться овечки, худоба будет прясти головку; нарушение запрета карается смертью: "На Миколу не мотай - смотришь жизнь свою, слушаешь свою жизнь ни на шё", в пятницу и среду нельзя вить, крутить - "куранёнок скрутица". Несоблюдение ткаческих запретов может стать причиной засухи, неудач, мора; можно запрясть или замотать дорогу, засновать, заткать дождь, присновать, привить вол-

ков, бешеных собак, жаб, "гадость", несчастье, нашить чужих мерт-
вцов и т.п. Ткаческие действия исполняются и в ритуально-магичес-
ких целях: напр., для получения хорошего урожая картошки или ка-
пусты специально мотают клубки; девушки "присновывают" хлопцев,
т.е. протягивают нитки вдоль дороги; считается, что можно "вы-
ткать" из дома членов семьи, т.е. сжить со свету; "выкрутить"
скот, т.е. причинить ему вред, наслать болезнь, можно "зашить" гла-
за, уши, пасть волкам.

Среди и с п о л н и т е л е й ткаческих действий (§ 2) ве-
дущая роль принадлежит женщинам. Их участие в производстве марки-
ровано: ткачество считается специфически женским занятием. Однако
в распределении работ наблюдается значимое разграничение мужского
-женского, старшего-молодого, своего-чужого. На женщин, занятых
обработкой льна, распространяется ряд физиолого-временных запре-
тов, обусловленных требованием ритуальной "чистоты". В свою оче-
редь это свидетельствует о ритуальном характере процесса выращивания
льна. Магическую функцию в обрядах, связанных с ткачеством,
выполняют мужчины, дети, вдовы, "старые бабы", девочки-"недорос-
ки". Они, как правило, должны начать работу (что обеспечивает её
успех), а кроме того, они участвуют в создании сакральных предме-
тов (обрядовых нитей и "обыденного" полотна).

Согласно народным представлениям, к ткаческим работам причас-
тны Бог, Богородица, Параскева-Пятница, Среда, Неделя, русалки,
домовой. Они помогают работницам в домашнем труде, в том числе и
в ткачестве, а также следят за выполнением правил ритуального ка-
рактера, соблюдением пространственно-временных запретов и в случае
их нарушения наказывают виновных. Для обозначения видов наказания
используются устойчивые словосочетания типа пятница буде прясть,
пятница соби пряде, прясть на середины дочки, пятница на дочки бе-
ре.

Система п р о с т р а н с т в е н н о - в р е м е н н ы х
запретов и предписаний, относящихся к выполнению ткаческих работ,
описана в §§ 3 и 4. Работы ткаческого цикла охватывают весь год.
Поочередно сменяющие друг друга и заполняющие определенные проме-
жутки времени, они служили важными календарными ориентирами. Тер-
мины ткачества могли выступать в значении отрезков времени: рус.
пряжа 'мера времени', новг. кудедица 'время обработки льна' и др.
Выбор благоприятного для той или иной работы времени часто динту-

ется народной этимологией и паронимией, сближением созвучных слов, независимо от их реального этимологического родства, напр. надо сеять на пятой неделе после Пасхи, чтобы лен был попята́ый (т.е. длинный, до пят), сеять на праздник св. Елены, чтобы выросли длинные льны (ср. также название праздника Елены Лыняницы). День св. Елены выбирается для сева поляками, которые сближают имя святой со словом "колесо": "*Siej 1on na Helenu, a budzia kaszula pa kalena*". Чтобы выросли длинные льны, для сева выбирают холодную погоду: "як ледок, буде хороший ленок". Нельзя ткать на "моллодику" - будет полотно "моложавое", т.е. редкое (ср. молоде́ полотно 'вид бракованной ткани').

О сакральности ткаческих действий говорит их ритуально-магическое сопровождение. Описанию ткаческих действий и приговоров, которыми сопровождаются технологические процессы, посвящен § 5 "С п о с о б ы и с п о л н е н и я т к а ч е с к и х д е й с т в и я". Здесь отмечается, что архаические способы прядения и тканья в ритуальной практике приобретают статус сакральных. Магическую силу имеют действия, выполненные в сторону, противоположную обычной (напр., прядение в левую сторону). Ритуально-магические действия совершаются для различных целей: для получения чистого мягкого, белого, с крупными головками льна; крепкого полотна; для скорого и успешного протекания работы и т.п. Среди них выделяются универсальные (подбрасывания кверху, подпрыгивания, битье, бег и др.) и специфически ткаческие (действия с волосами - расчесывание, завязывание, распускание; отдельные виды движения: ходьба ("шатание")); при затыкании присутствующие должны сидеть, плотно прижавшись друг к другу, сидеть должен и тот человек, который в этот момент вошел в дом. Все эти действия имеют характер имитативной магии. Их цели выражаются в словесных формулах: "Шоб рос лен велики", "Хутко шла, шоб ты хутко навилá", "Иди́, утoк, где богáто девок", "Пряминá в крoсны, кривотá на людéй" и пр. Подобные формулы известны у южных славян (болг. "На навив криво, на стан право", макед. "А; арди а работа, толкува уста!"), а также западных (при затыкании веточек "мая" в поле после сева льна чехи говорят: "*Jak dlouhá větvička, tak vysoký bude len*") и восточных (рус. "Зев в бердо", "Ткэв да зев").

В § 6 описываются народные представления о льне, конопле и волокне и анализируется ряд основных ткаческих

мотивов: мотивы волос, жизни человека. Лен воспринимается как святое растение: лен - Божа свеча, святя свечка. Количество "мук", которые он претерпевает за время своей обработки, определяется числом 40, связанным в народном сознании со словом "сорочка". Магические функции льняного волокна основываются на сравнении льна и волос; использование льняного семени - на уподоблении роста растений росту человека и ребенка, жизни вообще. Символика конопли зависит от типа стеблей этого растения. Женские стебли ("матки", "матерки") связываются с семей 'родящие', 'дающие жизнь' и используются в родинной обрядности. Мужские ("посконь", производное от "скопнуть", пол. pfon, образованное от pfonny 'бесплодный') - обладают якобы выхолащивающим свойством, лишают человека счастья ("Як нарoжденному навязують пупок плоскинню, то не буде йому ладу у жытти"). Символическое использование волокна связано с метафорическим сближением растительного волокна с волосами и жилами как людей, так и животных. Отсюда возникают языковые метафоры волокну - волосы, волокну - шерсть, волокну - жилы, волокну - ветвь (ср. серб. и рус. влас 'порода льна', болг. влякно 'волос', жичка, жица 'волокну', ряс. прясть в жилку, тянуть жилку 'прясть с гребня', борода 'кудель'). Волокну и кудель ассоциируются в сознании крестьян с нечистой силой: о нарушающих запрет на прядение говорят, что они прядут волосы Пятницы, русалки; представители потустороннего мира имеют в народной традиции названия воложатый 'косматый', волосатка 'домовой женского пола', кашуб. kudfac 'черт, дьявол'.

В § 7 описываются орудия ткаческого производства и выделяются признаки, положенные в основу символического восприятия и наименования инструментов. К ним относятся: характер механического действия / движения (по этому признаку орудия делятся на вращающиеся и бьющие), функция, внешний вид и роль в ткаческом производстве (главная или вспомогательная), материал, из которого сделан инструмент, отношение одних деталей орудий к другим, соотношение орудий и их деталей с мифологическими персонажами (ср. бердо как атрибут домового, веретено - св. Параскевы-Пятницы и т.п.). Символическую и мифологическую нагрузку имеют бердо, веретено, прялка, мялка, мотовило, сновница, щетки и гребни для чесания, челнок, ткацкий стан, воротило, догькальный пруток, нить. Они используются в народной медицине, любовной магии, ворожбе в качестве оберегов от нечистой силы и волков. Механизм магического использования ору-

дий труда может быть проиллюстрирован сербским примером: для привораживания девушка обводит вокруг сердца веретеном и говорит: "Какое се веретено окретало, тако се и N (имя рек) окретало за мною". С вращающимися орудиями, а также с орудиями, которые по форме своей напоминают заостренные палки, связано много поверий о змеях. Общеславянским является представление о том, что оставленные необранными на лето веретена расползаются ужами: веретена ужами в лес лйдут. Работа на инструментах с бьющим устройством производит много шума. Этот признак, который в технологическом плане является побочным, в мифологии и языке часто становится мотивирующим. В календарных запретах работа на мялке и ткацком станке в неположенное время грозит ударом грома или болезнью детей, называемой "крикливицы". В терминологической системе детали, которые участвуют в создании этого шума, получают свои наименования по принципу сходства с органами речи. Бьющая деталь мялки и терницы называется язык, трепло, болтун, их боковые доски сравниваются с полостью рта и называются щеки, щечки (рус.), čeljusti (словен.). Место, образующееся между нитями навитой на станок основы, называется "зев". Ср. магические приговоры, которые произносят при ритуальном перешагивании через нити основы по окончании знования: "Зевайте, кросна, как мачеха зевает".

Как говорилось выше, процесс создания полотна сравнивается с рождением и жизнью человека. В связи с этим детали ткацкого станка осмысляются как органы деторождения, а аналогом их взаимодействия выступают брачные отношения. Напр., названия деревянных блоков, при помощи которых к станку крепятся нити, обеспечивающие образование зева: смол. горностаечки, олон. векошки, болг. дестуничка, женичка, тюмен. жало, свердл. жал, жалок мотивированы лексикой, традиционно используемой в номинации детородных органов.

В § 8 рассматривается лексика и символика п р о д у к т о в ткацкого производства, отходов производства и результатов неправильно выполненной работы. Символика нити связана с символическим действием, в результате которого она возникает (витья и прядения), с символикой растений (льна, конопли и шерсти), зависит от степени обработки материала (беленая - небеленая), от очередности выпрядения (первая - последняя), от некоторых дополнительных признаков (цвета: красная), контакта с покойником. В магической практике нить используется в символических действиях: заключении предме-

тов в круг или завязывании узлов. Наибольшей сакральной силой обладают специально изготавливаемые нити. Они известны всем славянам. Их прядут в специальное время (в праздник или ночью, например, по пелуки - в Чистый четверг, а чеши - в Страстную неделю), из особого материала (например, из конопли, вырванной в день Ивана Купалы), особым образом (прядут левой рукой, в обратную сторону), в особом месте (на пороге дома, в бане). К тому же их прядут девочки-"недоростки" или вдовы, которые раздеваются и распускают волосы. Сакральной силой обладают нити, выпряденные из пущка, пущлика, отлетающего при прибавлении уточной нити. Если в поминальные дни (на "Деда" или "Радовницу") опоясаться тремя такими нитками, выпряденными левой рукой, и сесть на печи, то можно видеть, как в избу будут входить души умерших предков. Сила суровой, небеленой нити заключается в её необработанности и максимальной приближенности к природному материалу, в свойствах слюны, которой нитка смачивается при прядении. Все эти признаки составляют и значения термина суровой: 'сырой, влажный', 'свежий, незасохший', 'необработанный, невыделанный'. Как отгонное средство от воробьев, 'сглаза', волков, при лечении болезней используются нити, оставшиеся неиспользованными в результате технологических ошибок при навивании: отворотки, отходень, ворочанка, отворот. В их магическом применении большую роль играет этимологическая магия: "атходень - и балезнь атходе", "ворочанка ведьмарей одворочает".

Являясь конечным результатом ткачества, полотно маркировано как предмет, принадлежащий культурному, человеческому миру. Покрывание - основное назначение полотна в семиотическом плане - может означать перевод потустороннего мира в мир "этот", видимый. Магическая синонимия признаков 'покрытый' - 'видимый' и 'голый' - 'невидимый', 'потусторонний' проливает новый свет на такие обряды, как вывешивание холстов и одежды на могильные кресты и деревья, и позволяет толковать их как предоставление возможности невидимым душам "прийти" в мир живых. Полотно, таким образом, становится символом перехода, дороги. Во многих обрядах оно символизирует и жизненный путь человека, его судьбу.

Помимо продуктов, мифологическое осмысление могут получать и о т х о д ы ткаческого производства. Названия твердых частиц стеблей волокнистых растений, отлетающих во время чесания волокна

(костра, короста, пидока и др.), этимологически сближаются со словами костёр, кость, пыль, короста. Связь кострицы с огнем проявляется в представлениях о том, что нарушение пространственно-временных запретов, касающихся хранения отходов от волокна, карается засухой, пожаром. У поляков считается, что кострицу нельзя закапывать в огороде, иначе урожай побьет град. Если выброшенную на дорогу кострицу кто-нибудь перешагнет, он заболеет, покроется коростой. Созвучие костра - кость используется в загадках и других фольклорных текстах. Глаголы, образованные от слов кость, костра, могут значить 'ругать, ругань', что, возможно, связано с формулами клятвы костями (т.е. прахом родителей): ср. костить, костерить, коститься, кострить. Таким образом, кострица оказывается семантически связанной с потусторонним миром, культом покойников. Способы её уничтожения (сжигание, пускание по воде, разбрасывание по полю) и его мотивировки (как действия запретного, с одной стороны, и как магического, с другой) аналогичны магическим действиям, символически воспроизводящим весь цикл ткаческих работ, превращающих растение в полотно.

Своеобразны и интересны в лингвистическом и этнографическом отношении названия спутанных ниток как результата допущенного при ткание брака. Они мотивированы древними мифологическими представлениями о том, что в ночное время на земле пребывают души умерших, и потому очень опасно оставлять неубранными такие предметы, которые могут повредить им или помешать благополучно вернуться в свой мир с наступлением нового дня. Именно эти пришельцы из потустороннего мира являются причиной возникновения путаницы в нитках. Путаница в нитках может быть следствием нарушения временных запретов на ткаческие работы, присутствия посторонних при сновании ("сглаз"), перешагивания ниток и т.п. В качестве названий спутанных ниток выступают названия животных (конь, хорёк, кот), птиц (сорока, бусел, воробей, курица), людей (дед, дядьки, Матрена, цыган). Перечисленные животные и птицы в системе мифологических представлений славян связаны с культом предков. Что же касается антропологических наименований, то они также могут обозначать представителей потустороннего мира: ср. дед 'черт, домовый', дядюшка 'лихорадка', термин Матрена, матрунка созвучен с именами, относящимися к змеям и хтоническим животным, и содержит в себе их основные звуковые комплексы (Арина, Марина, Катерина, Малаха и др.), термин цыган

связан с представлением о том, что черт может принимать образ цыгана. Таким образом, все термины этой лексико-семантической группы образованы путям семантической конверсии и выражают идею сверхъестественного происхождения путаницы в нитках.

Весь ткаческий текст, в совокупности составляющий его компонент, может быть представлен его исполнителями как в полном, так и в сжатом виде. При изготовлении обдненного полотна все технологические этапы процесса, начиная со сбора готового волокна и кончая тканьем, производятся за один день или за одну ночь. Такое сжатие во времени превращает утилитарную работу в ритуал, получающий мифологическое осмысление и особую степень сакральности. Ритуальный текст изготовления обдненного полотна находит параллель в вербальном тексте, где перечисляются все действия по производству полотна (это известный в фольклоре славянских народов сюжет "жизни и страдания культурных растений"). Еще большей компрессии ткаческий текст достигает в случае использования готового полотна (сорочки) в магических целях (например, как отгонного средства от нечистой силы). В этом случае конечный продукт ткачества как бы символизирует и замещает весь ткаческий текст.

В главе III "С о д е р ж а н и е т к а ч е с к о г о т е к с т а" обобщается мифологическая семантика народного ткачества, исследуются его связи с другими сферами человеческой культуры. Здесь показано, как в ткачестве отражаются представления, обусловленные архаическим мифологическим сознанием, и какие моменты повседневной жизни крестьянского социума закодированы в ткаческих реалиях и процессах. Содержание ткаческого текста в мифологическом плане определяется двумя основными темами: тканье - сотворение мира и тканье - жизненный цикл человека. Ткачество послужило моделью для ряда космологических представлений (ср. "Бог свет сновал", "Адам и Ева засновались"). Образ паука как основателя мира, характерный для многих индоевропейских народов, у славян представлен слабо. В функции пряжи мира у них выступают Богородица и Параскева-Пятница. Это небесные пряжи, в распоряжении которых находятся и нити жизни, судьбы людей. На основе соотнесения нити с нитью жизни построены мифологические и художественные образы нити и прядения, приметы и гадания по нитям о судьбе, женской доле. С этим мотивом связаны и некоторые ритуалы, сопровождающие, например, выпрядение первой в жизни нити - прораба будущей жизни це-

вочки, выпрядение специальной нити невестой на свадьбе.

Момент "рождения" полотна, начало его создания ("затыкание") ассоциируется в народном сознании с рождением ребенка, а конец тканья - с моментом смерти ("Смерть твоя на стыкальи", - говорят, когда в момент выпадения дотыкального прутка входит человек в дом) Однако окончание тканья может ассоциироваться и с началом жизни. Полотно, изготовленное из оставшихся после тканья ниток, используется в родимой обрядности (в нем месут борщ для повитухи). Связь ткачества с тремя главными обрядами жизненного цикла (погребальными, свадебными и родимыми) обусловлена сходством их содержания. Подобие обрядам жизненного цикла, тканье расценивается как обряд **п е р е х о д н ы й**.

Отожествление мира и человека, космического и человеческого - характерная черта мифопоэтического сознания. Космическое пространство, земля и другие сферы окружающего мира соотносятся с частями человеческого тела. Корреспонденции между создаваемой вещью и срезаемым человеческим телом являются универсальными. В ткачестве мы находим много примеров подобного отождествления как на языковом, так и на мадьязымовом уровнях. Ткаческие термины используются для обозначения географического ландшафта, что можно рассматривать как пример моделирования земного пространства посредством ткаческих реалий.

В з а к л ю ч е н и и подводятся основные итоги исследования I. Анализ полесской ткаческой терминологии в широком культурном контексте, в тесной связи со структурой и семантикой ритуализованного производства, с обрядами и магическими приемами, сопровождающими все этапы создания полотна, позволил расширить лексическое поле народного ткачества, включив в него, помимо собственно ремесленных терминов (наименований технологических операций, инструментов, сырья и продуктов производства), термины, терминологические сочетания и фразеологию "культурного" характера, относящуюся к обрядам, верованиям и мифологическим представлениям. 2. Привлечение ритуально мифологического контекста способствовало более глубокой семантической интерпретации собранного лексического материала, выявлению мотивационных связей и механизмов номинации и семантической эволюции, обусловленных архаическими мифологическими представлениями, в частности представлением о ткачестве как космогонической модели мира и модели жизненного цикла человека. 3. Подобно лек-

ские других сфер традиционной народной культуры, таких как семейные и календарные обряды, верования и фольклор, лексика и терминология народного ткачества сохраняет многие культурные архаизмы (семантические модели, символику, мотивы) и может служить одним из источников для реконструкции мифологической картины мира древних славян. 4. Полесская терминология ткачества и в своем составе, и в своей семантической и словообразовательной структуре, и в своих связях с другими лексико-семантическими группами языка обнаруживает преимущественно общеславянский и праславянский характер. 5. Ключевые для народного ткачества языковые элементы, напр., глагольные корни со значением "бить", "дергать", "рвать", "вить, крутить", "мотать", "сновать" и т.п., являются не только продуктом собственно лексического развития, но и объектом языковой магии, народной этимологии, табуирования, паронимии и т.п., которые также носят общеславянский характер. Семантическая и функциональная обусловленность такой лексики "культурным" контекстом (ритуально-магической практикой, верованиями, мифологией) требует комплексного этнолингвистического подхода к её изучению.

Приложения к диссертации включают: 1. Программу для сбора этнолингвистического материала по народному ткачеству Полесья. 2. Ритуально-магические действия, связанные с ткачеством, в календарной обрядности. 3. Ритуально-магические приговоры (мотивы). 4. Пример текста с перечислением ткаческих работ, который имеет сакральную силу.

Публикации по теме диссертации

1. Полесские обряды и поверия, связанные с ткачеством // Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. - М., 1983. - С. III-III.
2. Среда и пятница в связи с прядением // Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. - М., 1985. - С. 66-69.
3. Веретено и связанные с ним народные представления // Региональные особенности восточнославянских языков, литератур, фольклора и методы их изучения. - М., 1985. - Ч. II. - С. 132-134.
4. Символические значения предметов ткаческого производства // Фольклор: проблемы сохранения, изучения и пропаганды. Всесоюзная научно-практическая конференция (25-29 апреля). - М., 1988. - Ч. I. - С. 131-133.

5. Использование атрибутов ткаческого производства в заговорах // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. - М., 1988. - Ч. I. - С. 32-34.
6. Лексико-семантические группы и их словообразовательные характеристики (на материале ткаческой терминологии) // Межуровневые связи в системе языка: Сборник научных трудов. - М., 1989. С. 33-43.
7. Магические приговоры в ткачестве // Славянское и балканское языкознание. Структура малых фольклорных текстов. - М., 1991. (I п.л.).

Тираж 100 экз.

Заказ 460

Ротапринт ЦНИИцветмет экономики и информации

